

Я.Ю. ШАШКОВА, С.Ю. АСЕЕВ

МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

ШАШКОВА Ярослава Юрьевна – доктор политических наук, профессор (yashashkova@mail.ru);
АСЕЕВ Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент (suass@mail.ru). Оба – кафедра
философии и политологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Аннотация. В статье исследована взаимосвязь миграционных настроений учащейся молодежи и ее политической идентификации и самопозиционирования в политической сфере. На основе результатов массового опроса школьников 9–11 классов и студентов 1–2 курсов вузов регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, фокус-групповых дискуссий и экспертного опроса выявлено доминирование миграционных установок в молодежной среде, особенно в регионах Дальнего Востока, их детерминированность социально-экономическими факторами. По типу миграционных настроений школьники и студенты разделены на четыре группы: не имеющие установок на миграцию, ориентированные на возвратную и невозвратную межрегиональную миграцию и желающие, но не имеющие возможности мигрировать. Анализ политических ценностей, интересов и установок представителей каждой группы позволил сделать вывод о более высоком уровне текущей и потенциальной вовлеченности молодых людей, ориентированных на невозвратную миграцию и желающих мигрировать, но не имеющих такой возможности, в онлайн-политику и публичную активность, в том числе протестного характера. Молодежь, не имеющая миграционных установок или предполагающая временную миграцию, демонстрирует более высокий уровень институционального доверия и большую вовлеченность в общественную жизнь локальных сообществ.

Ключевые слова: молодежь • учащаяся молодежь • миграция • политические ценности • политические установки • Сибирь • Дальний Восток

DOI: 10.31857/S013216250019429-4

Постановка проблемы и эмпирическая база исследования. Главными признаками современного общества выступают турбулентность и нестабильность. Формируется новое восприятие пространства и его границ, в котором «быть... более легким, более подвижным – это признак совершенства и прогресса. ... Привязанность к определенному месту не столь важна, поскольку это место может быть достигнуто и оставлено по собственной прихоти в короткое время или в мгновение ока» [Бауман, 2008: 20]. Человек digital эпохи «воспринимает мир как экран, меню идентичностей, набор картинок, выбор которых обратим и не имеет катастрофических последствий» [Одинцов и др., 2020: 352]. Особенно это характерно для современной учащейся молодежи, которая с рождения находится в этих условиях.

В большинстве старшие школьники и студенты, не обладая устойчивым социально-профессиональным статусом, не имея обязанностей в брачно-семейных отношениях, чаще других ориентированы на миграцию в образовательных или трудовых целях как приоритетную «жизненную установку, определяющую готовность молодого человека добиваться своей цели определенным способом» [Зубок, Чупров, 2020: 29]. Широкое распространение миграционных установок и размывание территориальной идентичности среди учащейся молодежи могут приводить к изменению ее самопозиционирования в общественном и политическом пространстве, влиять на уровень политической активности молодежи «здесь и сейчас». Ограничения периода пандемии и усиление конфликтности во

внешнеполитической сфере снижают доступность внешней миграции, но не снимают актуальности межрегионального транзита в сознании российских студентов и школьников.

При изучении феномена молодежной миграции основной акцент в литературе делается на ее социально-экономические причины и преобладающие тренды [Кашницкий и др., 2016; Крупа, 2019; Вьялина, Дакирова, 2020]. Имеющиеся исследования подтверждают, что рост миграции молодого, образованного и экономически активного населения из слаборазвитых и периферийных регионов создает в них «драматическую» ситуацию» [Бюраева, 2020: 53], а реализуемые государством меры не приносят желаемых результатов. Вместе с тем в работах политологов, посвященных политическому сознанию и поведению российской молодежи [Попова, Лагутин, 2019; Петухов, 2020], данные проблемы не анализируются во взаимосвязи с миграционными установками молодежной среды. В связи с этим представляется актуальным исследование проективных миграционных настроений российской учащейся молодежи и их взаимосвязи с политическими ценностями и политической активностью данной социальной группы.

В основу статьи положены результаты трех исследований, проведенных коллективом кафедры политологии АлтГУ (рук. – Я.Ю. Шашкова) в регионах Сибирского (СФО) и Дальневосточного (ДФО) федеральных округов: 1) массового опроса молодежи (сентябрь – октябрь 2020 г.). Было опрошено 1987 учащихся 9–11 классов школ и 1–2 курсов вузов в Республиках Алтай, Тыва, Бурятия и Саха (Якутия), Алтайском, Красноярском, Забайкальском, Камчатском и Приморском краях, Иркутской, Кемеровской и Новосибирской областях. Выборка несвязанная квотная с контролем класса и региона проживания, метод – анкетирование; 2) 14 фокус-групповых дискуссий со школьной и студенческой молодежью (октябрь – ноябрь 2021 г., более 100 участников). В выборку вошли Алтайский, Забайкальский, Приморский и Хабаровский края, Омская область, Республики Тыва, Бурятия и Алтай; 3) серии экспертных интервью с руководителями и специалистами региональных управлений по образованию и молодежной политике, избирательных комиссий, представителями профессионального политологического сообщества (более 20 экспертов, декабрь 2021 г.).

Установки молодежи СФО и ДФО на внутреннюю (межрегиональную) миграцию.

Для молодежной среды характерно наличие двух волн миграции: образовательной волны среди выпускников школ и образовательно-трудовой волны выпускников вузов и ссузов. По своим последствиям они могут относиться к возвратному и невозвратному типу.

Анализ миграционных установок молодежи Сибири и Дальнего Востока показал ее размежевание на несколько групп. Первую составили респонденты, не намеренные уезжать из своего региона, условно называемые далее «оседлыми». Группу «возвращенцев» образует молодежь, планирующая лишь временно покинуть свое место проживания. Она больше всего представлена в национальных регионах (около 30%), где итоги образовательной миграции дают «возвращенцам» значительный потенциал для дальнейшего карьерного роста. Среди учащейся молодежи с установками на внутреннюю миграцию происходит еще одно размежевание по критерию наличия необходимых для этого ресурсов: группу «намеренных» мигрировать составляют те, кто «хочет уехать и собирается это сделать», в то время как к «желающим» относятся находящиеся в «ловушке бедности» – они «хотят уехать, но не имеют такой возможности».

Сравнение показателей по федеральным округам выявило, что в ДФО миграционные установки распространены среди молодежи гораздо шире, чем в СФО, – только 14,2% хотят остаться в своих регионах (в СФО – 21%), 31,9% хотят уехать из них навсегда (в СФО – 24,8%). И примерно равные доли тех, кто считают наиболее приемлемым для себя вариант временной миграции (в ДФО – 23%; в СФО – 21,4%), либо хотят уехать, но не имеют такой возможности (14,2% в ДФО и 13,6% в СФО).

Закономерно, что в наибольшей степени на невозвратную миграцию сориентированы учащиеся 11-х классов (36,6% в СФО и 45,3% в ДФО). Как показали фокус-группы, в основе этой установки лежит стремление школьников к поступлению в престижные, по их мнению,

вузы, обучение в которых они рассматривают как возможность адаптации и последующего трудоустройства в более развитых регионах. При этом на Дальнем Востоке около трети учащихся уже в 9–10 классах имеют сформированную установку на невозвратную внутреннюю миграцию. Среди студентов же тенденция обратная: если среди первокурсников «невозвратные» составляют 24%, то среди второкурсников их меньше (13%).

Так как в выборку исследования были включены студенты вузов только 1–2 курсов, то установки на миграцию у них проявляются не так отчетливо, по сравнению с выпускниками вузов. Студенты начальных курсов в регионах Сибири и Дальнего Востока – это в основном те, кто не захотел или не смог получать образование за пределами своего региона, или, наоборот, уже прошел первый этап миграции. Соответственно, около четверти студентов 1–2 курсов в СФО заявили об отсутствии у них миграционных настроений. На отъезд с последующим возвращением чаще других настроены учащиеся 10 класса. О своем рассогласовании желания и возможности покинуть регионы проживания чаще заявляли учащиеся 9 классов и студенты вузов, в то время как среди 10–11-классников это беспокоит лишь по 8% опрошенных в ДФО, в СФО 14,3 и 9,9% соответственно.

С позиции региональной дифференциации можно констатировать, что почти во всех регионах Сибири и Дальнего Востока, за исключением экономически развитых Красноярского края и Новосибирской области, установку на невозвратную миграцию имеют от 26 до 41% молодежи.

Как показали результаты фокус-группового исследования 2021 г., в условиях депрессивности большинства исследуемых регионов установки учащейся молодежи на внутреннюю миграцию имеют преимущественно социально-экономическую детерминанту и отражают ее стремление к самореализации и более комфортной среде проживания. В качестве основных мотивов отъезда из региона респонденты отмечали свое намерение получить образование в престижных вузах, найти работу с достойной/высокой зарплатой. Жители малых городов и сельских территорий не верят в перспективы их развития и наличие в них возможностей по достижению желаемого уровня жизни. Из дополнительных факторов студенты (как в СФО, так и в ДФО) указывали свою готовность уехать в регионы с более благоприятным/мягким климатом. Остаются в своих регионах те респонденты, кто видит в них наличие перспектив комфортной жизни (по уровню доходов, развитию социально-экономической ситуации, состоянию экологии). Значительная часть «оседлой» молодежи решающим мотивом отказа от миграции указывает «семейные обстоятельства», их же называли и те участники фокус-групп, которые планируют или допускают свое возвращение после учебы и дальнейшей работы. Отдельные девушки отмечали у себя наличие страха перед неизвестностью последствий переезда.

Схожую мотивацию миграционных настроений в молодежной среде, их социально-экономические детерминанты отмечали все участники экспертного опроса 2021 г.: «Зачастую не называя причин, молодёжь просто стремится "свалить". Это, видимо, "эффект потока" ("все побежали, и я побежал")» (Омская область); «Большинство мечтает покинуть регион в поисках лучшей жизни: качественного образования, работы, условий для рекреации, спорта и развлечений, более мягкого климата и чистого воздуха» (Забайкальский край); «Желание уехать из района, республики, происходит из-за того, что нет работы, низкая заработная плата, нет жилья и из-за нехватки денег невозможно взять кредит» (Республика Алтай); «Высокие миграционные настроения преобладают у учащейся молодежи, так как мы наблюдаем стремление поступить в вузы центральной части России, отучиться и остаться работать в крупных городах» (Хабаровский край); «Большинство молодёжи Тувы желает учиться в крупных городах России или за границей, и если условия позволяют, хотят остаться там жить. Причины: малое количество рабочих мест с хорошей зарплатой (от 35 тыс. руб.)»; «Поиск себя, отсутствие ощущения перспектив личного роста и развития в регионе» (Алтайский край). При этом большинство экспертов отмечает отток из регионов СФО и ДФО наиболее перспективной и социально активной молодежи: «...Как правило, это люди креативные, ищущие, активные, те, которые принесли бы большую пользу своему региону и стране»

(Республика Алтай). По их мнению, период ковидных ограничений не оказал существенного влияния на миграционные установки студентов и школьников.

Отмеченные размежевания миграционных настроений коррелируют с различием политических ценностей и установок соответствующих групп молодежи.

Текущая включенность в политическую сферу. Учитывая, что большинство респондентов не обладает всей полнотой политических прав, индикаторами включенности в политическую сферу в данном исследовании выступали не только традиционные формы политического участия, но и степень заинтересованности молодых людей политическими процессами.

Опытом непосредственного политического участия, как показал опрос, обладают 45% респондентов. При этом учащаяся молодежь предпочитает участвовать в политике через форматы онлайн-активности (обсуждение политических тем и событий в социальных сетях, репосты политической информации, подписание петиций и обращение в органы государственной власти, материальная поддержка политиков и их проектов) или эпизодически (участие в выборах, обращения в общественные организации). И лишь незначительная часть респондентов проявляла политическую офлайн активность, в том числе на системной основе, – участвовали в работе общественных организаций и политических партий, выходили на политические акции (табл. 1).

Участие в выборах, как и в работе общественных организаций и политических партий, более характерно для нежелающих уезжать из своего региона и «возвращенцев». Обсуждение в социальных сетях и репосты политической информации, участие

Таблица 1

Показатели включенности в политическую сферу учащейся молодежи СФО и ДФО
(в % по столбцам)

Показатель	Тип миграционных установок*				
	1	2	3	4	всего
<i>Участие в политических действиях в последние 2–3 года**</i>					
Обращение в органы государственной власти	9,5	5,5	8,8	5,8	7,2
Обращение в общественные организации	7,4	4,6	6,2	5,5	5,6
Участие в митингах, демонстрациях	3,7	3,0	7,3	4,7	5,0
Участие в выборах	20,0	16,1	13,9	16,1	16,0
Участие в работе политических партий	6,3	3,7	2,1	1,5	3,5
Участие в работе общественных организаций	11,8	12,4	9,0	8,8	10,4
Участие в несанкционированных акциях протеста	1,6	1,4	3,2	2,9	2,5
Материально поддерживал политиков, их проекты	3,9	1,8	3,2	1,8	2,8
Обсуждение в социальных сетях, репосты политической информации	18,2	20,7	29,9	29,2	23,5
Ни в каких	54,5	54,1	52,4	52,2	55,2
<i>Интерес к информации о политических событиях</i>					
В мире в целом, в других странах	56,4	62,2	65,0	58,8	60,2
В России	70,8	74,2	69,2	63,5	69,1
В своем регионе	69,0	69,1	55,0	52,9	61,3
В месте своего проживания	73,4	70,1	58,8	58,4	64,1

Примечание. *Типы миграционных установок: 1 – «Оседлые», 2 – «Возвращенцы», 3 – «Намеренные», 4 – «Желающие»; **При ответе респонденты могли указать несколько действий.

Таблица 2

Источники информации о политических событиях в зависимости от миграционных установок
(в % по столбцам)

Источники информации**	Тип миграционных установок*				
	1	2	3	3	всего
Центральное телевидение	54,7	48,4	37,0	40,5	45,1
Региональное / местное телевидение	32,1	29,7	22,7	25,5	27,4
Центральные газеты	5,3	4,1	2,8	2,2	3,3
Региональные и местные газеты	5,3	3,5	1,7	2,5	3,1
Радио	14,5	12,9	8,3	7,7	10,8
Партийная литература, агитационные материалы	3,9	3,7	3,0	2,2	3,2
Научная литература	8,9	7,4	9,4	5,8	8,2
Друзья, знакомые	68,9	64,5	64,1	67,2	65,3
Родственники	61,8	62,9	53,0	55,8	58,0
Социальные сети, мессенджеры	85,0	87,8	88,9	85,4	86,6
Информационные интернет-ресурсы	75,5	76,3	79,3	77,0	76,5
Не пользуюсь ни одним источником	1,3	0,5	1,5	1,8	1,3

Примечание. *Типы миграционных установок: 1 – «Оседлые», 2 – «Возвращенцы», 3 – «Намеренные», 4 – «Желающие»; **При ответе респонденты могли указать несколько источников.

в массовых и несанкционированных акциях отличает «намеренных» и «желающих» навсегда покинуть свой регион. Обращения в органы власти чаще других подписывали нежелающие уезжать и нацеленные на невозвратную миграцию (табл. 1).

За политическими событиями в своем регионе и месте проживания вполне логично в основном следит молодежь из групп «оседлых» или «возвращенцев». Политическая обстановка в других странах важна для «намеренных» мигрировать. При этом интересно, что на информацию о ситуации в России обращают внимание около 70% представителей всех выделяемых авторами групп молодежи, кроме «желающих» уехать, которые меньше интересуются политическими процессами всех уровней (табл. 1).

Информацию о политических событиях молодые люди в основном получают ежедневно (это указали 24,8%) или несколько раз в неделю (36,6%). Один раз в неделю или несколько раз в месяц ее видят треть опрошенных (30,2%). Часто к политической информации обращаются «намеренные» уехать из региона (28,2% из них делает это ежедневно, 35,9% – несколько раз в неделю) и «возвращенцы» (24,2 и 41% соответственно). Более интенсивный мониторинг общего информационного потока связан у них с поиском приоритетного направления миграции, что отмечали респонденты и в фокус-групповых дискуссиях.

Основным источником информации о политике для всех рассматриваемых категорий молодежи выступают социальные сети и мессенджеры и информационные интернет-ресурсы, но особенно они значимы для «намеренных» мигрировать. На этом фоне более консервативны «оседлые» и «возвращенцы», значимая часть которых использует в качестве источников политинформации традиционные каналы – центральное и местное телевидение, радио и общение с родственниками. Научную литературу по проблемам политики читает каждый десятый из нацеленных на невозвратную миграцию (табл. 2).

Ценности и установки на политическое участие. Для всех категорий учащейся молодежи Сибири и Дальнего Востока выделяются четыре ценности, имеющие одинаково высокую значимость, – справедливость, понимаемая как равенство возможностей независимо от места жительства, преодоление «диспропорций в развитии

Таблица 3

Значимость общественно-политических ценностей для групп с различными миграционными установками (в % по столбцам)

Ценности	Тип миграционных установок*				
	1	2	3	4	всего
Справедливость	90,5	90,8	91,0	90,5	90,5
Свобода	89,2	89,2	92,2	92,3	90,1
Права человека	89,7	90,8	89,1	89,5	88,7
Порядок	87,4	87,1	82,0	80,3	84,2
Сохранение традиций	58,5	51,4	38,2	37,2	46,5
Реформы в обществе	50,5	49,5	54,2	48,2	50,2
Интересы отдельных граждан	45,3	48,1	45,1	48,0	45,0
Интересы вашей этнической группы	45,7	48,4	43,2	39,8	43,9
Интересы государства	42,7	45,1	37,2	33,6	39,5

Примечание. *Типы миграционных установок: 1 – «Оседлые», 2 – «Возвращенцы», 3 – «Намеренные», 4 – «Желающие»; **При ответе респонденты могли указать несколько действий.

регионов», воспринимаемых молодежью «как противоречие между Москвой и провинцией» [Горшков, Шереги, 2020: 212], свобода, права человека и порядок как обеспечение реализации прав человека. Кроме того, для «намеренных» мигрировать значимой ценностью выступают реформы в обществе. Среди «возвращенцев» чаще других востребованы обеспечение интересов отдельных граждан, этнических групп и государства, а также порядок, который очень важен и для «оседлых» (табл. 3).

Исходя из сложившейся у молодежи иерархии ценностей, наибольшим доверием во всех группах пользуется волонтерское движение, которое, по мнению респондентов, функционирует на принципах добровольности участия, практической пользы для людей и бескорыстности. Далее следуют ФСБ и армия, их поддерживают около 40% опрошенных, в первую очередь «оседлые» и «возвращенцы». Рейтинг президента РФ и полиции оказался сопоставим с рейтингом общественных организаций – им высказали доверие треть учащейся молодежи Сибири и Дальнего Востока. Однако если уровень доверия общественным организациям примерно одинаков во всех исследуемых категориях молодежи, то у президента и полиции он во многом определяется стремлением к порядку «оседлых» и «возвращенцев». Наименьшим доверием у молодых людей традиционно пользуются институты представительства (табл. 4).

Как показал анализ, самый высокий общий уровень институционального доверия демонстрируют «оседлые» респонденты, в то время как «намеренные» и «желающие» мигрировать отказывают в поддержке почти всем политическим институтам, что создает нисходящий тренд доверия, особенно заметный по отношению к федеральным структурам.

Выделенные размежевания во многом связаны с оценкой молодыми людьми российской политической реальности. Если среди «оседлых» и «возвращенцев» 30,8 и 27,6% указали, что современная российская политическая реальность полностью или в основном отвечает их ожиданиям, то среди «намеренных» и «желающих» мигрировать таковых оказалось только 17,8 и 13,9%.

Подавляющее большинство молодежи Сибири и Дальнего Востока, независимо от их установок на внутреннюю миграцию, не исключают участие в политических процессах с целью защиты своих интересов, однако допускаемые формы активности имеют специфику для каждой из групп. К онлайн-активности и участию в массовых акциях, в том числе

Таблица 4

Доверие общественно-политическим институтам (в % по столбцам)

Институты	Тип миграционных установок *				
	1	2	3	4	всего
Волонтерское движение	57,9	55,7	53,4	54,8	54,4
ФСБ	47,9	44,2	36,3	29,5	39,5
Армия	43,9	41,5	33,4	28,9	36,9
Президент России	40,0	36,0	24,8	23,2	30,6
Полиция	37,6	33,2	27,5	20,1	29,9
Общественные организации	39,0	30,7	27,6	31,0	31,1
Правительство РФ	36,8	31,4	20,5	18,6	26,3
Совет Федерации	32,9	27,0	18,5	18,6	23,4
Губернатор	32,1	24,9	16,5	15,3	21,9
Премьер-министр	30,0	25,6	17,6	14,5	21,9
Государственная дума	32,1	24,9	16,5	15,3	21,9
МСУ	30,5	20,9	18,8	15,0	21,2
Законодательное собрание региона	30,0	19,6	17,3	16,0	20,7
Политические партии	25,8	17,3	17,7	14,6	18,0

Примечание. Здесь и в табл. 5: *Типы миграционных установок: 1 – «Оседлые», 2 – «Возвращенцы», 3 – «Намеренные», 4 – «Желающие».

Таблица 5

Уровень готовности к политическим действиям для защиты своих интересов в случае их нарушения (в % по столбцам)

Действия**	Тип миграционных установок *				
	1	2	3	4	всего
Обращение в органы государственной власти	52,9	59,0	59,4	52,6	55,7
Обсуждение в социальных сетях, репосты политической информации	28,4	35,5	45,5	43,1	36,6
Обращение в общественные организации	35,3	37,8	36,5	36,5	35,7
Участие в выборах	28,7	32,0	34,6	32,1	30,7
Участие в митингах, демонстрациях	22,9	24,0	38,0	37,6	29,0
Участие в работе общественных организаций	17,6	18,9	15,8	17,2	16,7
Участие в несанкционированных акциях протеста	12,4	9,0	17,3	16,4	13,1
Участие в работе политических партий	10,8	11,3	10,0	6,9	9,8
Материальная поддержка политиков, их проектов	6,3	6,2	7,1	5,8	6,2
Затрудняюсь ответить	18,4	15,7	15,4	17,5	18,6

несанкционированных, чаще склонны «намеренные» и «желающие» мигрировать, в то время как «оседлые» и «возвращенцы» больше ориентированы на институционализированные формы участия – работу в общественных организациях и политических партиях. Лоялистские настроения «оседлых» обуславливают снижение их интереса к обсуждению проблем общества и участию в выборах (табл. 5).

Закключение. Анализ политических ценностей и установок учащейся молодежи Сибири и Дальнего Востока в разрезе ее миграционных настроений показал размежевание молодежной среды по исследуемым параметрам.

Находящиеся в явном меньшинстве не намеренные менять свое место жительства представляют относительно консервативный сегмент молодежи. Вместе с конъюнктурно ориентированными «возвращенцами» они заинтересованы интегрироваться в региональные процессы, поддерживают ценность порядка, а потому демонстрируют лояльность существующей общественно-политической системе, уже имеют опыт конвенционального участия и активнее включены в локальные сети социального взаимодействия и межличностной коммуникации. Их проективная политическая активность находится на самом низком уровне. Территориально данные группы многочисленнее в аграрных регионах Сибири и национальных республиках.

Самые высокие показатели политической информированности и проективного политического участия, в том числе в неконвенциональных формах, в сочетании с поддержкой либеральных ценностей имеют молодые люди с установкой на невозвратную межрегиональную миграцию. Их активность в онлайн-среде не только дает им возможность коммуникации с единомышленниками в месте проживания, но и позволяет заранее формировать связи в социальной и политической среде желаемого региона миграции.

Как потенциальный источник политического риска следует рассматривать группу молодежи, желающей покинуть свои регионы, но не имеющей такой возможности. Они негативнее всех оценивают свою текущую жизненную ситуацию (ее ухудшение отметило 23,4% респондентов в данной категории, только 21,9% полностью или скорее удовлетворены своей жизнью) и не видят перспектив ее улучшения (28,1% посчитали, что она не изменится, а 20,8% – что она ухудшится). Невозможность уехать из своего региона формирует в их среде высокую протестность, а низкий уровень политической информированности делает ее подверженной манипулятивному воздействию.

В целом же можно констатировать, что у подавляющего большинства школьников и студентов исследуемых регионов присутствует стремление к внутренней миграции, обусловленное социально-экономическими факторами. Поэтому без создания в Сибири и на Дальнем Востоке комфортной среды и условий самореализации для молодых людей невозможно изменить существующие негативные миграционные тренды, политические установки молодежи и ее отношение к современной российской политике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. *Текучая современность*. СПб.: Питер, 2008.
- Бюраева Ю.Г. Молодежная миграция в Республике Бурятия: направленность потоков и причины // *Социологические исследования*. 2020. № 10. С. 52–62. DOI: 10.31857/S013216250010001-4.
- Вяльшина А.А., Дакирова С.Т. Социологический анализ миграционных настроений выпускников сельских школ // *Регионология*. 2020. Т. 28. № 1. С. 159–183. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.159-183.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 13–41. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1602.
- Кашицкий И.С., Лешуков О.В., Мкртчян Н.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // *Вопросы образования*. 2016. № 3. С. 169–203. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-3-169-203.
- Одинцов А.В., Шипицин А.И., Марченко А.Ю. Центростремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 335–354. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.788.
- Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621.

Попова О.В., Лагутин О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619.

Статья поступила: 10.02.21. Финальная версия: 04.04.22. Принята к публикации: 18.01.23.

MIGRATORY EMOTIONS AND POLITICAL ATTITUDES OF SIBERIAN AND FAR EASTERN STUDENTS: CORRELATIONAL PROBLEM

SHASHKOVA Y.Y.*, ASEEV S.Y.*

*Altai State University, Russia

Yaroslava Y. SHASHKOVA, Dr. Sci. (Pol.), Prof. (yashashkova@mail.ru); Sergey Y. ASSEV, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (suass@mail.ru). Both – Department of Philosophy and Political Science, Altai State University, Barnaul, Russia.

Abstract. The article discusses the link between migratory emotions of students and their political identification and self-positioning in political sphere. The authors analyzed the level and structure of students' interest for politics, their assessment of Russian politics and level of trust in socio-political institutions, actual experience of political participation and attitudes to acceptable political practices. Based on the polls of school students from grades 9 through 11, first and second-year university students of Siberian Federal District and Far Eastern Federal District, focus group discussions and expert surveys, prevalence of migratory emotions has been traced among young people, particularly in the Far East districts, these sentiments being determined by social and economic factors. School and university students have been split into four groups according to their migratory emotions: not aiming at migration, aiming at return or non-return inter-regional migration, and aiming at migration but having no such possibility. An analysis of political values, interests and attitudes of each group representatives has revealed a higher level of current and potential political involvement among those aiming at non-return migration, and aiming at migration but having no such possibility, their engagement in on-line politics and public activities, including protests. Young people who do not aim at migration or aim at return migration demonstrate stronger institutional confidence and deeper involvement in local community life.

Keywords: youth, school and university students, migration, political values, political aims, Siberia, the Far East.

REFERENCES

- Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Byuraeva Yu.G. (2020) Youth Migration in the Republic of Buryatia: Trends and Causes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 52–62. DOI: 10.31857/S013216250010001-4. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2020) *The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research*. Moscow: FNIITS RAN. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020. (In Russ.)
- Kashnitskiy I., Leshukov O., Mkrtchyan N. (2016) Interregional Migration of Youths in Russia: A Comprehensive Analysis of Demographic Statistics. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow]. Iss. 3: 169–203. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-3-169-203. (In Russ.)
- Odintsov A., Shipitsin A., Marchenko A.Y. (2020) Centripetal Migration of Young People from the Russian Province: Causes and Trends (Example of Volgograd Region). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 335–354. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.788. (In Russ.)
- Petukhov V.V. (2020) Russian Youth and Its Role in Society Transformation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621. (In Russ.)
- Popova O.V., Lagutin O.V. (2019) Political Views of the Youth: Loyalty or Protest? *Vestnik RUDN. Ser.: Politologija* [RUDN Journal of Political Science]. No. 21 (4): 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619. (In Russ.)
- Vyalshina A.A., Dakirova S.T. (2020) Sociological Analysis of Migration Attitudes of Rural School Graduates. *Regionologija* [Regionology = Russian Journal of Regional Studies]. No 28(1): 159–183. DOI: 10.15507/2413-1407.110.028.202001.159-183. (In Russ.)
- Zubok J.A., Chuprov V.I. (2020) Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3. P. 13–41. DOI:10.14515/monitoring.2020.3.1602. (In Russ.)

Received: 10.02.21. Final version: 04.04.22. Accepted: 18.01.23.